

НАКАНУНЕ

Литературное приложение

под редакцией гр. А. Н. ТОЛСТОГО

№ 38

СОДЕРЖАНИЕ:

Л. Никулин. 1918. — И. Васильевский (Не-Бунва). „Мы“ и „Они“. — Эдуард Стари. Петроградские действия. — Библиография: А. Вольский; Z; Нина Петровская.

Приложение
к № 252

1918.

Л. Никулин.

(Отрывок из повести).

Неисчерпаемым, непрерывным потоком по тротуару двигалась уличная толпа. А сбоку по мостовой тяжело, уверенным шагом днем и ночью проходили патрули. По семи человек — четверо впереди и трое сзади в кубических тяжелых шлемах, в серых мундирах. Никогда еще не было такого движения на улицах, никогда еще не было такого количества ресторанов и кафе, никогда не гремело столько оркестров в одно время с вечера и до зари.

В бель-этаже в двух больших комнатах лучшей гостиной, которую занимали германские офицеры третий месяц, жил князь Загарин. Жил своей обычной жизнью, как должен жить землевладелец, которому принадлежал целый уезд на Правобережье. Брал в долг под векселя потому, что имения были разорены и не принесли дохода. Совсем недавно вместе с карательным отрядом в имения уехал управляющий князя и писал, что крестьяне уходят в леса, жгут все, что не успели сжечь, но отряд работает хорошо и все же пока нельзя рассчитывать хотя бы на самую скромную сумму. Однако, займодавцы все еще аккуратно являлись с вексельными бланками, и деньгами. В последний раз они вдруг заговорили о недостатке денег в городе и посоветовали продать сахарные заводы.

От княгини через шведский красненький крест пришло письмо, — она просила денег и в крайнем случае соглашалась переехать из Сан-Себастьян — в Швецию.

Прошел почти год со дня отъезда жены и за это время Загарин втянулся в прежнюю холостую, петербургскую жизнь. Попрежнему он говорил о жене с почтительной гордостью, попрежнему возил с собой портрет, но это не мешало ему почти каждую ночь брать любовниц и устраивать оргии, которые удивляли даже самых испытанных приятелей. Этот день был шестым днем их бессмысленного кутежа, который прекращался несколько раз и только для того чтобы им на рассвете заснуть, где придется. Их было шесть. Барон Гольде — лейтенант, с мертвенно бледным лицом и расшатанной походкой, какая бывает у тяжело больных людей, и граф Стибор-Махницкий — красивый, неутомимый спортсмен, служивший при германском штабе. Третьим был Загарин. Женщины были — Рита Берг, содержанка банкира, опытная, и все еще красивая кокетка и Люба и Галя Черненко — дочери нотариуса, самые красивые девушки в городе.

Пока родные жили на даче девушки, приехали в город будто бы к подругам и шестой день проводили в обществе Риты и трех мужчин. Этот рассвет застал всех у Загарина.

Галя и Люба спали на его кровати, у ног их спал Стибор-Махницкий. На другой кровати спали Рита Берг и Гольде. Самый крепкий из всех Загарин сидел у открытого окна и курил. Говорил громко, называя спящих по именам и отвечал сам себе не ожидая их ответа:

— Четверг — «Континенталь»... Оттуда бар? Нет... Сначала за Любой. Потом «Мон-Репо»... Паршивый кабак... Оттуда ко мне? Пятница — клуб, потом обед... Какой сегодня день?

Люба застонала во сне, вдруг проснулась и спрыгнула с кровати. Она была совсем девочка с пепельными волосами и смуглой кожей, в широкой, мужской пижаме, сползающей с плеч...

— Ножки мои, ножки... Загарин потянулся к ней, но разглядел зеленовато-бледное лицо и сказал:

— Нарзан... Пей Люба... хотя лучше нашатырь... Две капли... и он повернулся к зеркалу. Но она пошатнулась и он еле успел подхватить ее...

— Не хорошо... Чему учат вас в гимназии?...

— Ой, мамочка... плохо... домой хочу...

Говорила с придыханием, гортанным южным говорком.

— «К маме хацу»... Ну идем, идем...

Он поднял ее высоко на руки и отнес на кровать.

— Спи... «Домой хацу»...

Гольде лежал с открытыми глазами и увидев Загарина зажмурился...

— Ты чего? Вставай... как светать начнет — едем кататься... А потом завтракать над рекой... Холодок — приятно...

— Что за скандал был вчера?...

— Флейтисту зуб выбили... Музыканты... Сволочь! Полкового марша не знают... Уладили. Дали тысячу крон в зубы.

— Деньги в зубы за зубы...

— Каламбур... Ого, ты еще остришь...

Загарин посмотрел на девушек...

— Хороши. А? Свежесть — прелесть... Грудь, ножки... ты посмотри...

— Главное дешево. Свежо и дешево...

— Ты материалист Гольде...

Гольде встал, потряс головой и застегнул пижамку.

У Загарина свело челюсти и вдруг заболела голова. Он присел к окну. Гольде намочил волосы и старательно расчесывал прическу.